

Платон

ГОСУДАРСТВО

С предисловием К. В. Львова,
к. и. н., старшего научного
сотрудника Института мировой
литературы им. А. М. Горького РАН

УДК 13
ББК 87.3
ПЗ7

Перевод с древнегреческого *Андрея Егунова*

Примечания *Азы Тахо-Годи*

Предисловие к русскому изданию кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИМЛИ им. А. М. Горького РАН *Константина Львова*

Печатается по изданию: *Платон. Государство*. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

Платон

ПЗ7 Государство / Платон ; [пер. с др.-греч. А. Н. Егунова]. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2025. — 544 с. — (Стратегия и власть).

ISBN 978-5-389-30749-0

Платон — выдающийся философ Древней Греции, оказавший колоссальное влияние на развитие человеческой мысли. Его труды положили начало формированию научного подхода к познанию. В представленном издании содержится знаменитый диалог «Государство», в котором философ исследует ключевые аспекты жизни общества. В начале обсуждается суть «справедливости», после чего анализируются шесть типов государственного устройства: монархия, аристократия, тимократия, олигархия, демократия и тирания. Завершается произведение описанием идеального государства, управляемого философами, так как именно мудрость позволяет заботиться о благоустройстве жизни всех граждан.

УДК 13
ББК 87.3

ISBN 978-5-389-30749-0

© Егунов А. Н. (наследники), перевод, 2025

© Тахо-Годи А. А., примечания, 2025

© Львов К. В., предисловие, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КоЛибри®

Предисловие

Платон (~428-423 – 348/347 гг. до н. э.) — центральная фигура в истории европейской философии. Альфред Н. Уайтхед в своем трактате «Процесс и реальность» (1929) остроумно выразился, что европейская философская традиция — ряд примечаний к сочинениям Платона. Творчество великого афинянина и само по себе было своеобразным мостом, перекинутым из прошлого древнегреческой философии в ее будущее: Платон критически освоил учения досократиков — Парменида, Гераклита, Пифагора, систематизировал блестящие изустные выступления своего наставника Сократа, а примерно в 383 г. до н. э. основал, неподалеку от священной оливковой рощи Гекадема, свою Академию, в которой исследовал со сподвижниками и учениками философию и математику.

Каноническими текстами Платона считаются 26 диалогов, относительно еще девяти диалогов и тринадцати писем уже не одно столетие ведутся академические дискуссии.

Диалог «Государство» можно без преувеличения назвать краеугольным камнем в стройном корпусе сочинений Платона. Тематически он неразрывно связан как

с более ранними произведениями Платона («Евтифрон»), так и с позднейшими — «Политиком» и «Законами». Этот диалог — один из самых крупных текстов философа; в увлекательной форме — с изложением поэтических мифов о волшебном кольце, аллегорической пещере и вернувшемся из загробного царства Эре — Платон подробно излагает свои философские воззрения. Автор «Государства» рассуждает о справедливости и ее соотношении со счастьем, о любви и теории форм, о старении и бессмертии, о значении философии и искусства в обществе. Платон сопоставляет устройство города-государства, управление кораблем и строение человеческой души. «Государство» — это центр призрачной паутины, называемой философией Платона.

«Государство» посвящено выяснению того, что есть справедливое. В первой книге диалога критически обсуждаются общепринятые представления о справедливости (нужно ли отдавать долги и говорить правду, помогать друзьям и вредить врагам и т. д.). Начиная со второй книги, Сократ излагает истинное представление о справедливом как в государстве, так и в душе человека. В идеальном государстве каждый человек и группа живут справедливо, лишь когда действуют ради блага государства, и то же определение переносится и на душу, в которой роль сословий играют части души.

Такое представление о справедливости основано на центральном понятии философии Платона — идее блага. Начиная с пятой книги, она становится главной обсуждаемой темой. Во главе совершенного государства должен стоять философ, познавший теорию идей и высшую идею — идею блага, дающую возможность увидеть истинное значение нравственных понятий, верно организовать и душу, и государство.

Платон в своих текстах никогда не говорит прямо о содержании идеи блага, но описывает ее с помощью понятий гармонии, согласия и единства. В «Государстве» он предлагает типологию политических режимов и характеризует их, но также рассказывает об идеальном городе-государстве — Каллиполисе, которым управляют философы-цари. Эти части диалога были весьма злободневными, поэтому представляется нелишним совершить краткий исторический экскурс во времена Платона.

Очередную войну греческих полисов (речь идет о Коринфской войне 395–387 гг. до н. э.) завершил в 387 г. до н. э. так называемый Анталкидов мир. Его еще называли «Царским», потому что посредником его заключения был царь Персии Артаксеркс. Собственно, Персия и оказалась победительницей в войне, потому что греческие города в Малой Азии (Ионии) попали от нее в зависимость, греческие полисы потеряли право создавать военно-политические союзы, крупнейшим военноморским флотом Восточного Средиземноморья становился флот опять-таки Персии. Кроме того, Анталкидов мир наделил Спарту полномочиями своеобразного «полицейского», разрешив ей вмешиваться во внутренние дела полисов Эллады, вплоть до интервенции и свержения режимов. Такой мир не мог быть долгим, и в 378 г. до н. э. вспыхнула новая война — между Спартой и союзными Фивами и Афинами; она носила позиционный характер, обе стороны без стеснения применяли тактику «выжженной земли». Попытки заключения нового мира в 375 г. до н. э. оказались безуспешными, в то же время распалась и антиспартанская коалиция.

В общем и целом, старые греческие полисы пребывали в затяжном кризисе, а выхода из него видно

не было. Наиболее проницательные люди, в их числе Платон, с надеждой смотрели на Запад — на греческие колонии-полисы в Италии и особенно на Сицилии, где возвысились Сиракузы под властью тиранов Дионисиев (Старшего и Младшего). Здесь уместным кажется предоставить слово самому Платону: «В конце концов относительно всех существующих теперь государств я решил, что они управляются плохо; ведь состояние их законодательства почти что неизлечимо и ему может помочь разве только какое-то удивительное стечение обстоятельств. И, восхваляя подлинную философию, я был принужден сказать, что лишь от нее одной исходят как государственная законность, так и все касающееся частных лиц. Таким образом, человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами. С такими мыслями я прибыл впервые в Италию и Сицилию» (VII письмо — родственникам и друзьям Диона; 326b; письмо это большинству ученых представляется подлинным).

Платон трижды совершал плавания на Сицилию (~385, 366 и 361 гг. до н. э.), надеясь убедить Дионисиев — отца и сына — установить форму правления, соответствующую учению философа, но успеха его миссии не имели. Всякий раз Платон оказывался пленником в золотой клетке. Ему удалось найти сторонника в правящей фамилии — Диона, зятя Дионисия Старшего; однако и сам Дион долгие годы провел в изгнании, а когда наконец утвердился у власти, то очень скоро пал жертвой заговора (354 г. до н. э.).

Можно сказать, что в политических частях «Государства» смешаны разочарования и надежды Платона: разочарование в настоящем греческих полисов, раздробленных и слабых перед лицом сильного и недоброго соседа — Персии, разочарование в высоком искусстве Афин, которое не помогло городу избежать поражения, обида на Дионисия Старшего и провал сиракузского предприятия, но в то же время и надежда, что Академия воспитает тех самых будущих философов-царей.

Вероятно, эта эмоциональная окрашенность диалога побудила Платона выбрать время и место его действия — Афины, точнее, их важнейший пригород — морской порт Пирей, в последние годы Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.), накануне сокрушительного поражения родины философа. О войне и тяжелом положении Афин в диалоге не говорится, но эти обстоятельства нельзя забывать при чтении.

Главное действующее лицо «Государства» — Сократ, наставник Платона и Ксенофонта, которые и сохранили его слово для потомков. Спустя несколько лет, в 399 г. до н. э., афинская демократия обвинит Сократа в нечестии и развращении молодежи и приговорит к уходу из жизни. Также в диалоге участвуют старшие братья Платона — Главкон и Адимант, ученики Сократа. Трое остальных говорящих персонажей «Государства», хотя и жили и работали в Афинах, но не были их гражданами. Фрасимах был гражданином Халкидона Боспорского, а в Афинах занимался софистикой; Кефал из Сиракуз был весьма преуспевающим предпринимателем; одним из его сыновей был знаменитый оратор Лисий. Другой сын, Полемарх — хозяин дома, в котором встречаются персонажи «Государства».

Полемарх был репрессирован Тридцатью тиранами, недолго правившими Афинами после поражения в Пелопоннесской войне: его заставили принять яд и запертили публично хоронить.

Сила «Государства» — в его универсальности. Это тот труд, который словно зеркало отражает наши собственные дилеммы. Кто-то находит в нем ответы на вопросы о власти и справедливости, кто-то — о воспитании, кто-то — о личной ответственности. Но каждый, кто обращается к Платону, получает возможность не просто прочитать философский текст, а научиться мыслить шире, глубже и точнее.

Но настал уже момент дать слово участникам диалога, а читателю — не забывать о том, что все персонажи — лишь куклы, управляемые талантливым артистом, лишь искаженные отражения, тени образа великого их создателя — Платона.

К. В. Львов,
*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
ИМЛИ им. А. М. Горького РАН*

КНИГА ПЕРВАЯ

[Сократ]. Вчера я ходил в Пирей вместе с Главконом, сыном Аристона, помолиться богине, а кроме того, мне хотелось посмотреть, каким образом справят там ее праздник, — ведь делается это теперь впервые. Прекрасно было, по-моему, торжественное шествие местных жителей, однако не хуже оказалось и шествие фракийцев¹. Мы помолились, насмотрелись и пошли обратно в город.

Увидев издали, что мы отправились домой, Полемарх, сын Кефала, велел своему слуге догнать нас и попросить, чтобы мы его подождали. Слуга, тронув меня сзади за плащ, сказал:

— Полемарх просит вас подождать его.

Я обернулся и спросил, где же он.

— Да вон он, подходит, вы уж, пожалуйста, подождите.

— Что ж, подождем, — сказал Главкон.

Немного погодя подошел и Полемарх, а с ним Адимант, брат Главкона, и Никерат, сын Никия, и еще кое-кто, также, вероятно, с торжественного шествия.

Полемарх сказал:

— Сдается мне, Сократ, вы спешите вернуться в город.

— Ты догадлив, — сказал я.

— А разве ты не видишь, сколько нас здесь?

— Как же не видеть!

— Вот вам и придется либо одолеть всех нас, либо остаться здесь.

— А разве нет еще и такого выхода: убедить вас, что надо нас отпустить?

— Как же можно убедить тех, кто и слушать-то не станет?

— Никак, — сказал Главкон.

— Вот вы и учтите, что мы вас не станем слушать.

Адидант добавил:

— Неужели вы не знаете, что под вечер будет конный пробег с факелами² в честь богини?

— Конный? — спросил я. — Это нечто новое. Будут передавать из рук в руки факелы при конных ристаниях? Так я тебя понял?

— Да, так, — сказал Полемарх, — и вдобавок будут справляться ночные торжества, а их стоит посмотреть. После ужина мы пойдем смотреть празднество, и здесь можно будет встретить много молодых людей и побеседовать с ними. Пожалуйста, останьтесь, не раздумывайте.

Главкон отвечал:

— Видно, придется остаться.

— Раз уж ты согласен, — сказал я, — так и поступим.

И мы пошли к Полемарху домой и застали там Лисия и Евтидема, его братьев, а также халкедонца Фрасимаха, пэанийца Хармантида и Клитофонту, сына Аристонима. Дома был и отец Полемарха, Кефал, — он мне показался очень постаревшим: прошло ведь немало времени с тех пор, как я его видел.

Он сидел на подушке в кресле с венком на голове, так как только что совершал жертвоприношение³ во внутреннем двореке дома. Мы уселись возле него — там кругом были разные кресла.

Чуть только Кефал меня увидел, он приветствовал меня такими словами:

— Ты, Сократ, не частый гость у нас в Пирее. Это напрасно. Будь я еще в силах с прежней легкостью выбираться в город, тебе совсем не понадобилось бы ходить сюда — мы бы сами посещали тебя там; но теперь ты должен почаще бывать здесь: уверяю тебя, что, насколько во мне угасли всякие удовольствия, связанные с телом, настолько же возросла потребность в беседах и удовольствии, связанном с ним. Не уклоняйся же от общения с этими молодыми людьми и посещай нас, мы ведь с тобой друзья и близкие знакомые.

— Право же, Кефал, — сказал я, — мне приятно беседовать с людьми преклонных лет. Они уже опередили нас на том пути, который, быть может, придется пройти и нам, так что, мне кажется, нам надо у них расспросить, каков этот путь — тернист ли он и тягостен или удобен и легок⁴. Особенно от тебя, раз уж ты в таких летах, когда стоишь, по словам поэтов, «на пороге старости»⁵, мне хотелось бы узнать, в тягость ли тебе жизнь. Или тебе кажется иначе?

— Тебе, Сократ, — отвечал Кефал, — я, клянусь Зевсом, скажу так, как мне кажется. Часто сходимся мы вместе, люди примерно тех же лет, что и я, оправдывая старинную поговорку⁶. И вот, когда мы соберемся, большинство из нас сокрушенно вспоминают вожделенные удовольствия юности — любовные утехы, попойки, пирушки и тому подобное — и брюзжат, словно это для нас великое лишение: вот тогда была жизнь, а теперь разве

жизни! А некоторые старики жалуется на родственников, помыкающих ими, и тянут все ту же песню, что старость причиняет им множество бед. А по мне, Сократ, они напрасно ее винят: если бы она была причиной, то и я испытывал бы то же самое, раз уж я состарился, да и все прочие, кто мне ровесник. Между тем я не раз встречал стариков, у которых все это не так; например, поэту Софоклу был при мне задан такой вопрос:

«Как ты, Софокл, насчет любовных утех? Можешь ли ты еще иметь дело с женщиной?» — «Что ты такое говоришь, право, — отвечал тот. — Да я с величайшей радостью избавился от этого, как убегает раб от необузданного и лютого господина».

Ответ Софокла мне и тогда показался удачным, да и теперь нравится не меньше. Ведь в старости возникает полнейший покой и освобождение ото всех этих вещей; ослабевает и прекращается власть влечений, и во всех отношениях возникает такое самочувствие, как у Софокла⁷, то есть чувство избавления от многих неистовствующих владык. А [огорчения] по поводу этого, как и домашние неприятности, имеют одну причину, Сократ, — не старость, а самый склад человека. Кто вел жизнь упорядоченную и был добродушен, тому и старость лишь в меру трудна. А кто не таков, тому, Сократ, и старость, и молодость бывают в тягость.

В восхищении от этих его слов и желая вызвать его на дальнейший разговор, я сказал:

— Мне думается, Кефал, что люди, скажи ты им это, не согласятся с тобой, они решат, что ты легко переносишь свою старость не потому, что ты человек такого склада, а потому, что ты обладатель большого состояния. Они считают, что у богатых есть чем скрасить старость.

— Ты прав, — сказал Кефал, — они не согласятся и попытаются возражать. Но их доводы не так уже весомы, а вот хорош ответ Фемистокла одному серифийцу, который поносил его, утверждая, что своей славой Фемистокл⁸ обязан не самому себе, а своему городу: «Правда, я не стал бы знаменит, будь я серифийцем, зато и тебе не прославиться, будь ты хоть афинянином». Точно так же можно ответить и тем небогатым людям, которым тягостна старость: да, и человеку кроткого нрава, но бедному легко переносить старость в бедности, но уж человеку дурного нрава, как бы богат он ни был, старость всегда будет тягостна.

— А то, чем ты владеешь, Кефал, — спросил я, — ты большей частью получил по наследству или сам приобрел?

— Куда уж мне приобрести, Сократ! Как делец я где-то посередине между моим дедом и моим отцом. Мой дед — его звали так же, как и меня, — получил в наследство примерно столько, сколько теперь у меня, но во много раз увеличил свое состояние, а мой отец Лисаний довел его до меньших размеров, чем теперь у меня. Я буду доволен, если оставлю вот им в наследство не меньше, а немножко больше того, что мне досталось.

— Я потому спросил, — сказал я, — что не замечаю в тебе особой привязанности к имуществу: это обычно бывает у тех, кто не сам нажил состояние. А кто сам нажил, те ценят его вдвойне. Как поэты любят свои творения, а отцы — своих детей, так и разбогатевшие люди заботливо относятся к деньгам — не только в меру потребности, как другие люди, а так, словно это их произведение. Общаться с такими людьми трудно: ничто не вызывает их одобрения, кроме богатства.

— Ты прав.

— Конечно, а скажи мне еще следующее: в чем состоит наибольшее благо от обладания значительным состоянием?

— Пожалуй, — сказал Кефал, — большинство не поверит моим словам о справедливости⁹. Знаешь, Сократ, когда кому-нибудь приходит мысль о смерти, на человека находит страх, и охватывает его раздумье о том, что раньше и на ум ему не приходило. Сказания, передаваемые об Аиде, — а именно, что там придется подвергнуться наказанию тому, кто здесь поступал несправедливо, — он до той поры осмеивал, а тут они переворачивают его душу: что, если это правда? Да и сам он — от старческой ли немощи или оттого, что уже ближе стоит к тому миру, — как-то больше прозревает.

И вот его уже одолевают сомнения и опасения, он прикидывает и рассматривает, уж не обидел ли он кого чем. Кто находит в своей жизни много несправедливых поступков, тот, подобно детям, внезапно разбуженным от сна, пугается и в дальнейшем ожидает лишь плохого. А кто не знает за собой никаких несправедливых поступков, тому всегда сопутствует отрадная надежда, добрая «кормилица старости», как говорится и у Пиндара. Превосходно он это сказал, Сократ, что, кто проводит жизнь праведно и благочестиво, тому

*Сладостная, сердце лелеющая сопутствует надежда,
Кормилица старости,
Переменчивыми помыслами смертных
Она всего более правит¹⁰.*

Хорошо он это говорит, удивительно сильно. К этому я добавлю, что обладать состоянием — это, конечно,

очень хорошо, но не для всякого, а лишь для порядочного человека. Отойти отсюда в тот мир, не опасаясь, что ты, пусть невольно, обманул кого-нибудь, соврал кому-нибудь или же что ты остался должен богу какое-либо жертвоприношение либо человеку — деньги, — во всем этом большое значение имеет обладание состоянием. И для многого другого нужно богатство, но, сравнивая одно с другим, я бы лично полагал, Сократ, что во всем этом для человека с умом богатство не последнее дело и очень ему пригодится.

— Прекрасно сказано, Кефал, но вот что касается этой самой справедливости: считать ли нам ее попросту честностью и отдачей взятого в долг, или же одно и то же действие бывает подчас справедливым, а подчас и несправедливым? Я приведу такой пример: если кто получит от своего друга оружие, когда тот был еще в здравом уме, а затем, когда тот сойдет с ума и потребует свое оружие обратно, его отдаст, в этом случае всякий сказал бы, что отдавать не следует и несправедлив тот, кто отдал бы оружие такому человеку или вознамерился бы сказать ему всю правду.

— Это верно.

— Стало быть, не это определяет справедливость: говорить правду и отдавать то, что взял.

— Нет, именно это, Сократ, — возразил Полемарх, — если хоть сколько-нибудь верить Симониду¹¹.

— Однако, — сказал Кефал, — я препоручаю вам беседу, а мне уже пора заняться священнодействиями.

— Значит, — сказал я, — Полемарх будет твоим наследником?¹²

— Разумеется, — отвечал Кефал, улыбнувшись, и тотчас ушел совершать обряды¹³.

— Так скажи же ты, наследник Кефала в нашей беседе, какие слова Симонида о справедливости ты считаешь правильными?¹⁴

— Да то, что справедливо отдавать каждому должное. Мне, по крайней мере, кажется, что это он прекрасно сказал.

— Конечно, нелегкое дело не верить Симониду — это такой мудрый и божественный человек! Смысл его слов тебе, Полемарх, вероятно, понятен, а я вот не могу его постичь. Ясно, что у Симонида говорится не о том, о чем мы только что вспомнили, а именно будто все, что бы нам ни дали во временное пользование, надо отдавать по требованию владельца, даже когда тот и не в здравом уме, хотя, конечно, он-то и одолжил нам то, чем мы пользовались. Не так ли?

— Да.

— Но ведь ни в коем случае не надо давать, когда этого требует человек не в здравом уме?

— Правда.

— Значит, у Симонида, по-видимому, какой-то другой смысл в утверждении, что справедливо отдавать каждому должное.

— Конечно другой, клянусь Зевсом. Он считает, что долг друзей делать только хорошее своим друзьям и не причинять им никакого зла.

— Понимаю, — сказал я. — Когда кто возвращает деньги, он отдает не то, что должно, если и отдача и прием наносят вред, а между тем дело происходит между друзьями. Не об этом ли, по-твоему, говорит Симонид?

— Конечно об этом.

— Ну а врагам, если случится, надо воздавать должное?

— Непременно, как они того заслуживают. Враг должен, я полагаю, воздать своему врагу как надлежит, то есть каким-нибудь злом¹⁵.

— Выходит, что Симонид дал лишь поэтическое, смутное определение того, что такое справедливость, вложив в него, как кажется, тот смысл, что справедливо было бы воздавать каждому надлежащее, и это он назвал должным.

— А по-твоему как?

— Клянусь Зевсом, если бы кто спросил его: «Симонид, что (разумеется, из надлежащего и подходящего) чему должно назначать врачебное искусство, чтобы считаться истинным?» Как бы он, по-твоему, нам ответил?

— Ясно, что лекарства, пищу, питье — телу.

— А что чему надо придать (надлежащее и подходящее), чтобы выказать поварское искусство?

— Приятный вкус — блюдам.

— Прекрасно. А что кому надо воздать, чтобы такое искусство заслужило название справедливости?

— Если следовать тому, Сократ, что было сказано ранее, то это будет искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред.

— Значит, творить добро друзьям и зло врагам — это Симонид считает справедливостью?

— По-моему, да.

— А что касается болезней и здорового состояния, кто всего более способен творить добро своим друзьям, если они заболеют, и зло — своим врагам?

— Врач.

— А мореплавателям среди опасностей мореходства?

— Кормчий.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Серия «Стратегия и власть»

ПЛАТОН ГОСУДАРСТВО

Заведующий редакцией *О. Ро*
Ответственный редактор *А. Никтовенко*
Художественный редактор *А. Дёмочкина*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректор *С. Лукокина*
Компьютерная верстка *В. Ермак*

В оформлении книги были использованы иллюстрации
© Noika Mikhail / shutterstock.com
(с. 12, 64, 110, 164, 212, 270, 318, 364, 410, 450).

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.09.2025.
Формат 76 × 100 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Caslon». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9.
Тираж 2000 экз. О-SIV-39943-01-R. Заказ №

ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
---	--

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
---	---

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

